

К вопросу о символике власти в контексте развития русской государственности

*(доклад, прочитанный на Международной
научно-практической конференции «Ладога и истоки
российской государственности и культуры»)*

Старая Ладога известна всему научному миру исключительными результатами археологических раскопок. Однако она снискала себе славу также тем, что в местном храме Святого Георгия (XII в.) сохранился шедевр средневековой монументальной живописи — фреска «Чудо св. Георгия о змие».

При исследовании образа Георгия-воина в контексте его значимости для символики Русского государства напрашивается вывод, что именно этот святой сопутствует развитию русской государственности. Его образ, в основном в виде Драконоборца, запечатлен на монетах и печатях Средневековья во многих христианских странах, его имеют в гербах десятки европейских городов, государство Грузия поместило его в свой государственный герб. Однако на протяжении тысячелетней истории только наше Отечество почти непрерывно использует образ Георгия-воина в государственной атрибутике: его можно видеть на первых русских монетах и печатях князей с XI в., его изображение присутствует на общегосударственной печати конца XV в., а также в государственном и городских гербах вплоть до настоящего времени.

В нашем обществе необыкновенно вырос интерес к исторической символике, к знакам, олицетворяющим российскую государственность. Собственно, и сама проблема государственности становится все больше предметом пристального внимания и внедряется в общественное сознание даже на уровне учебных пособий¹. Параметры понятия государственности в процессе эволюции государства менялись, изменялась и государственная символика, неразрывно связанная с государственной системой и идеологией.

Эмблемы государственного суверенитета, появившиеся в Новое и Новейшее время, не всегда в своем изобразительном варианте соответствуют, так скажем, характеру власти. Однако на ранних этапах развития государства они воплощались в реальных знаках власти руководителя, отражая его социальные функции.

Применительно к нашей теме речь может идти прежде всего о княжеских знаках власти. Последние, в отличие от регалий королей, императоров, которым посвящены многочисленные работы западноевропейских исследователей, изучавших досконально вопросы коронации, системно не изучались.

Традиционно отечественные историки, исследуя принципы власти в Древнерусском государстве, не акцентировали внимание на атрибутике этой власти. Возможно, здесь сказало влияние правоведов, отрицавших в русском праве символику². Применительно к символам власти их отсутствие, по-видимому, рассматривалось как следствие своеобразной доктрины власти, а именно: занимать княжеские столы на Руси могли только представители княжеского дома Рюриковичей³ (все они «одного деда внуки»). Способы же «усвоения» княжеской власти — «старшинство» и «отчина» — исключали (по крайней мере на ранних этапах государственности) какие-либо церемонии в оформлении принятия этой власти, кроме известного по летописи «сел на столе», «занял стол отца своего» и т. д.

Как ни парадоксально, но своеобразное отсутствие внимания со стороны историков и историков права во второй половине XIX — начале XX в. к государственной символике Древней Руси может объясняться и успехами «археологии», как тогда называли вспомогательные исторические дисциплины. Блестящие работы И. И. Толстого, А. В. Орешникова по истории первых русских монет возбудили интерес не только к древнейшим русским монетам, но и к княжеским знакам на них. Работы нумизматов, специалистов по сфрагистике, а также искусствоведов, этнографов раскрывали социальную и техническую стороны появления и эволюции «знаков Рюриковичей», иначе — «трезубца». В советское время знакам власти Рюриковичей посвящали свои работы прежде всего археологи (Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, В. Л. Янин, его ученики и коллеги), но также и нумизматы (И. Г. Спасский, М. П. Сотникова), искусствоведы (В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова), историки (О. М. Рапов, М. Б. Свердлов). Значительно расширилась источниковая база вопроса,

однако при всей фундаментальности работ названных авторов они являются составными частями мозаичного панно, ибо в целом проблема княжеских инсигний Руси остается в полной мере не решенной. Это, кстати, касается и ее соседей; во всяком случае, еще тридцать лет тому назад крупнейший исследователь знаков власти (Herrschaftszeichen) П. Э. Шрамм отмечал, что особого внимания заслуживает разработка проблемы, связанной с символикой власти у народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Европы ⁴.

Своеобразным откликом явился труд Ф. Кэмпфера «Портреты русских государей. От истоков до Петра Великого» ⁵, а также опубликованные в 90-е гг. работы польских и сербских ученых ⁶ о знаках княжеской власти в их странах. В этих работах изложена методика исследования, в котором соотносятся изобразительные материалы, вещественные памятники (печати, монеты, предметы вооружения и т. д.) и письменные источники, особенно передающие представления современников о князе, его имидже воина и правителя. В данных работах содержится представление о комплексе символов княжеской власти (представление о комплексе в значительной степени основывается на функциональной градации аспектов власти в индоевропейской традиции ⁷), изложены принципы смены одних знаков власти другими в контексте развития права, предполагающие разделение знаков княжеской власти по фазам и использование на ранних этапах — в дохристианский и раннехристианский периоды — языческой символики.

Включение древнерусского материала в контекст общеевропейской истории знаков власти поможет нарисовать более правдоподобную картину развития государственной символики нашего Отечества.

Из-за ограниченного объема статьи, к сожалению, придется только в постановочном плане обозначить многие аспекты проблемы. Не будут подвергнуты анализу, в частности, функциональные действия, которые сами по себе являлись прерогативой княжеской власти (чеканка монеты), создание печатей с соответствующим изображением и их применение в делопроизводстве, осуществление таможенного права и сбора налогов с использованием особых знаков («Иде Вольга Новугороду, и оустави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты») ⁸. Не будут в полной мере проанализированы вербальные обо-

значения знаков власти, употребляемые лишь в качестве примеров. Основное внимание уделяется «предметным» символам, среди которых выделяются знаки господства («политические») и военные знаки.

Главный знак господства — трон: «стол», «престол». Формула, столь типичная для самого раннего текста «Повести временных лет», — «сел», «посадил» (на княжение) — уже предполагает некоторое овеществленное сидение («стол» — лавка, по И. И. Срезневскому), которое очень скоро проявляется в летописях как «стол» — символ верховной власти, престол: «Ярославъ же седе Кыеве на столе отъни и дедни»⁹. «Стол» и «княжение» идентифицируются. «Сидеть на столе» мог только князь: «на столе посадити» означало «дать власть», что, в частности, формулирует «Изборник Святослава» 1073 г.¹⁰

Первые русские монеты декларируют власть князя формулой «Владимир на столе». Они же демонстрируют и форму этого «стола»: скамья без высокой спинки на сребрениках князей Владимира Святославича IV типа, Святополка Владимировича; престол с высокой спинкой на сребрениках Владимира III типа¹¹. Миниатюры лицевых рукописей XIV—XV вв. (прежде всего Сильвестровский сборник XIV в., Радзивилловская летопись XV в.) дают образцы довольно разнообразных в художественном выражении «столов» — со спинкой и без нее.

К властным политическим знакам относится также головной убор. Это могла быть корона, в которой изображен на первых русских монетах сидящий на «столе» правитель. Однако для реального получения короны последний должен короноваться.

З. Пех считает, что князья употребляли «княжескую митру» вместо короны. Представление о подобном головном уборе могут дать русские буллы Изяслава Ярославича (Киев, 1054—1078)¹², Святослава Ярославича, правившего в Чернигове, а затем в Киеве (1073—1076)¹³. Подобные головные уборы — инсигнии, отличающиеся от «дорогих колпаков», зафиксированы и Н. В. Жилиной¹⁴.

Необычен и интересен головной убор, в котором Ярослав Мудрый изображен на печати, относящейся, как установил академик Янин, ко времени «окончательного вокняжения Ярослава в Киеве» в 1019 г.¹⁵ Это остроконечная шапка, заканчивающаяся шишечкой. В связи с этим обращает на себя внимание замечание Н. П. Кондакова, который писал, что Андроник I Комнин «в своих продолжительных ски-

таниях среди варваров усвоил себе и головной убор вроде варварского остроконечного колпака». Далее Кондаков, ссылаясь на Дюканжа, сообщает, что кроме венцов в виде обруча «Византия для разных чинов пользовалась весьма часто пирамидальными, остроконечными и шаро- или тиарообразными шапками, как своего рода «венцами», или инсигниями, что будет точнее»¹⁶.

Регалиями королевской, императорской власти являются скипетр, держава. Княжеские печати, как правило, их не несут. Место скипетра занимает посох, оканчивающийся крестом, который держит обычно в правой руке князь. Скорее всего, с подобным посохом в руке, а не с державой изображен Святополк Окаянный на принадлежавшей ему печати¹⁷. Подобные длинные посохи-кресты можно видеть и на печатях Святослава Ярославича¹⁸. Посохи-кресты напоминают лабарумы на монетах византийских императоров. Лабарумы рассматриваются как знаки власти типа штандарта. Однако В. Шандровская отмечает, что к XI в. они окончательно превратились в кресты (она так и называет лабарум: «длинный крест»). Не удивительно, что именно так выглядит знак власти в руках русских князей, монеты и печати которых подражали византийским.

К военным знакам власти принадлежит меч. На Руси, как и во многих европейских странах, меч всегда был также судебным символом. В начале X в. арабский писатель Ибн Русте сообщал о русских: «Мечи у них Соломоновы»¹⁹, имея в виду, что князь судит с мечом в руке. О судебной функции меча имеется запись в Лаврентьевской летописи: «Князь бо не туне мечь носить в мечь злодеемъ, а в похвалу добро творящимъ»²⁰. Радзивилловская летопись в сцене инвеституры изображает мечи, которые один князь передает другому²¹, однако они крайне «обезличены». Между тем, по-видимому, княжеские мечи имели признаки индивидуальности. Так, когда умер князь Всеволод Мстиславич «...в Пьскове... февраля II день, а въ неделю положенъ бысть во церкви святыя Троица... и поставиша надъ нимъ его мечь, иже и доньне стоитъ, видимъ всеми...»²². Вероятно, для усиления значимости меча князя использовали оружие «милостьное», т. е. заветное. Например, в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» сообщается, что «его то бо мечь бяшетъ святого Бориса»²³ (князя Бориса Владимировича).

Об индивидуальности еще одного предмета княжеского вооружения — шлема — свидетельствует известная находка последнего на месте Липицкой битвы близ Юрьева-Польского. Крестильное имя владельца шлема было Федор²⁴. Возможно, в битве князь выделялся позолоченным шлемом. Во всяком случае, «Слово о полку Игореве» сообщает о золотом шлеме Буй-Тур Всеволода — князя Всеволода Святославича²⁵, но в «Слове» вообще очень много упоминаний о золотых предметах, относящихся к быту князей.

Обладал ли русский князь особым, лично ему принадлежащим стягом? Этот вопрос остается открытым, ибо утверждения некоторых авторов, что князья имели стяги с определенным «гербом» Рюриковичей, не находят веских доказательств. Уже в «Повести временных лет» как будто говорится о стяге того или иного князя, однако исходя из смысла текста, очевидно, что речь идет о военных подразделениях, именуемых словом «стяг».

С XII в. под стягом все чаще понимается именно знамя. Но все изображения русских знамен (красных, зеленых, синих), знамен русского воинства лишены индивидуальности, хотя знаковость их очевидна: само слово «стяг» происходит от «стяганье» — объединение, сбор вокруг стяга воинов. Функция власти (невоенная) прослеживается, когда речь идет о действиях Даниила Романовича. Галицко-Волынская летопись сообщает о приходе его в Галич: «Данило же вниде во градъ свой и прииде ко пречисте святей Богородици, и прия столь отца своего, и обличи победу, и постави на немечьскихъ врагехъ хоругвь свою»²⁶. Здесь речь идет о юго-западных русских землях, где на западный манер на городских воротах и башнях вывешивались знамена, вероятно, с каким-то знаком. В других регионах Руси этот обычай не был известен: в источниках упоминания о знаменах сопутствуют описанию военных сражений. Лицевые рукописи дают о них весьма общее представление. Только одна из ранних иллюстраций (список лицевой рукописи «Хроника Константина Манассии»; написана в XII в. византийским поэтом Константином Манасси, переведена на болгарский язык в XIV в., широко использовалась на Руси) изображает войско князя Святослава Игоревича в походе на Доростол со знаменем красного цвета, которое в нижней части полотнища имеет косицу — «хобот», а также «чолку стя-

говую». По мнению публикатора миниатюр, это характерный признак русских знамен²⁷.

О «чрьленой чолке» русских воинских знамен говорится в «Слове о полку Игореве»: «Чрьлень стягъ, бела хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!»²⁸. Примерно с этого времени речь может идти о разных формах военных знамен. Со знаменами двух форм — «стягами» и «хоругвями» — изображены русские воины, отправляющиеся в поход в византийские земли, на рельефах знаменитого Царского места — «Мономахова трона» 1551 г. из Успенского собора Московского Кремля²⁹.

В источниках много говорится о княжеских одеждах, в них изображаются князья на фресках и миниатюрах. Однако четко отделить княжеское одеяние от одежд других богатых и знатных людей вряд ли возможно, ибо не только князья носили золотые гривны, «багъру», «очерьвлену и багряну оденью» — красную одежду и обувь³⁰ (как, например, византийский император). Даниил Галицкий на встрече с венгерским королем был обут, по сообщению летописи, в тонкие кожаные сапоги зеленого цвета.

Как символ власти можно охарактеризовать даже не «дорогую шапку» (шапку с опушкой, которую обычно называют «княжеской»), а плащ-коц (коч). Известен эпизод из «Сказания о благоверном князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре» (XIII в.). В наиболее ранних списках рассказывается о княжеском жесте, который сделал Михаил в ответ на уговоры приближенных покориться татарскому хану: «Тогда Михайль соима коць свои, и верже к ним гля, примете славоу света сего, ея же вы хочете»³¹. Переписчикам позднее это слово было непонятно, и они заменяли его «идентичными» терминами «венец», «меч».

Знаки власти Древнерусского государства вполне укладываются в схему подобных знаков соседних с ним государственных образований с княжеским правлением, хотя, несомненно, их комплекс имеет и специфику, обусловленную отчасти недостаточной полнотой источников, отчасти неоднозначностью представлений о власти (а следовательно, и о ее символах), что, в свою очередь, можно объяснить различием исходных точек государственности в разных странах.

Специфика древнерусской государственности нашла отражение в особой символике первых монет (право чеканки моне-

ты со времен Рима — наивысшая прерогатива верховной власти, и выбор изображений на ней — также ее привилегия³²) и печатей. Речь идет о «знаках Рюриковичей». В настоящее время в научном мире утвердилось мнение, что знак может быть тамгой. Сам по себе данный факт не является чем-то особенным. В ранних чеканах германских народов (например, у вандалов) монетные типы, обычно подражающие Риму (погрудное изображение в венке, Виктория, держащая корону), на оборотной стороне могут нести изображение головы лошади. На ранних англосаксонских монетах можно видеть змею или дракона, объясняемых следствием древних местных верований, в которых чудовищный Вотан (Водан-Один) играл важную роль³³. На медных болгарских монетах Второго Болгарского царства³⁴ (Михаил Шишман, он же с сыном Иваном), лицевая сторона которых занята фигурами конного или пешего царя в соответствующем одеянии и монограммой «ЦР» и в типе которых просматривается византийское влияние, оборотная сторона занята лигатурой, известной в более раннее время как тамгообразный знак³⁵.

Помещение на монетах, знаке престижности власти, древних символов — напоминание о более древних представлениях о ней. Что касается первых русских монет, то возможна связь использованного в оформлении их знака и титула «каган», который предшествовал наименованию русского правителя *князем* — словом, которое «стало употребительным... не ранее начала XII в.»³⁶, будучи заимствованным из болгарского языка. Многие авторы подчеркивают, правда, что «тюркское по происхождению слово *каган* использовалось, «по крайней мере, в Киеве». М. И. Артамонов писал, что «титул главы Руси — каган, который *невероятен* для северных славян, но вполне понятен для славян среднеднепровских...»³⁷. В «Слове о законе и благодати» митрополита (тогда еще священника) Илариона (40-е гг. XI в.) правители Владимир и Ярослав Мудрый названы «каганами» («великий каган нашей земли» — Владимир), причем в самом возвышенном, прославляющем их деяния значении. Вместе с ними прославлялась и Русская земля — «она же ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»³⁸, поэтому не случайно «Слово» оценивается в настоящее время как «своего рода гимн российской государственности». Тем самым практически категория «публицистичность» в его характеристике отступает на второй план.

Как показали новейшие филологические и исторические исследования, круг источников, упоминавших о кагане русов, очень велик: от восточных — сочинений арабских и персидских авторов — до западных, начиная с Бертинских анналов 839 г. С полным основанием ученые полагают, что с половины IX в. правитель русов в международном общении носил самый значимый в регионе титул «каган», «дававший его обладателю международное признание. Поэтому в принятии правителями русов этого восточного титула следует видеть не столько следствие хазарского влияния, сколько формальную самоидентификацию, predeterminedенную внешними обстоятельствами»³⁹.

Титул «каган» используется в 80-х гг. XII в. по отношению к князю Олегу Святославичу, о чем сообщается в «Слове о полку Игореве». По-видимому, в течение XII в. «каган» окончательно заменяется «князем». Позднее «цивилизованный мир» и вовсе пренебрежительно воспринимал термин «каган». Известно изречение, сохранившееся в рукописи XIV в.: «Каган зверообразный скифский»⁴⁰.

Соотносится ли с титулом «каган» в свете нового подхода к определению его значимости в период образования Древнерусского государства какой-либо особый символ? Можно предположить, что символ, как и сам титул, является отражением существовавших в то время знаковых систем, которым соответствовали представления о символах в тамгообразном воплощении.

Тамги тюркского характера, в том числе хазарские, в настоящее время усиленно изучаются отечественными и зарубежными (в частности, болгарскими) археологами⁴¹, причем авторы выявляют значительное сходство в начертаниях знаков, нанесенных на идентичные предметы из южнорусских и болгарских земель.

Поскольку русские правители до конца XI в. именовались «каганами», помещение двузубца и трезубца, составляющих основу тамгообразных знаков (знаков собственности) Хазарии, как знака власти (и собственности) прежде всего на княжеские монеты — атрибуты власти кажется вполне естественным. Давать какое-либо толкование двузубцу, трезубцу в лучшем случае бесперспективно. Как курьез рассматривали разные версии расшифровки оборотной стороны первых русских монет авторы многотомного труда о средневековых монетах — в отношении трезубца, как писали они, сменяют друг друга

предположения: от норманнской шапки до схематического голубя — Святого Духа ⁴².

Тамгообразные знаки исчезают из государственной атрибутики Руси приблизительно тогда же, когда и титул русского правителя «каган»; во всяком случае, к началу XIII в. система отпятнышей в знаках Рюриковичей сходит на нет ⁴³, что означает охлаждение князей к этим знакам.

Характер титула русских правителей и анализ изображений на их первых знаках власти позволяет более внимательно оценить утверждающуюся в современной историографии концепцию Русского каганата, существовавшего, скорее всего, в Днепровско-Донском регионе ⁴⁴ в IX в.

Нельзя не сказать несколько слов и о произведениях искусства, возвеличивающих верховную власть правителей Руси. В Древнерусском государстве, так же как и во многих странах, входящих в византийский культурный регион, можно отметить черты так называемого императорского искусства, в основе которого лежит официально-портретное изображение правителя (помещение его изображения в определенном месте, в привычном виде или в предписанной позе, в одеждах и с регалиями, свойственными его положению) ⁴⁵. А. Грабар отмечал, что в греческих, славянских, румынских и кавказских государствах, управлявшихся подражавшими василевсам властителями, официальное искусство монархов вдохновлялось константинопольскими образцами. В Византии пропаганда образа императора как носителя власти прошла несколько этапов: в более ранний период — триумфатора, со второй половины IX в. благодаря влиянию церковного искусства главной задачей стало показать василевса перед Богом (сюжеты: коронация императора Иисусом Христом, сцены моления императора и т. д.; на монетах с этого времени наблюдается нивелирование портретности). В древнерусском искусстве имеются подобные сюжеты, например изображение князя Ярослава Владимировича, преподносящего модель церкви Иисусу Христу, на Нередицкой фреске XII в.

К символам власти Грабар относит изображение не только фигуры императора, но и членов его семьи. С подобными образительными сюжетами нас также знакомит древнерусское искусство: это изображение семьи Ярослава Мудрого на фреске Софийского собора в Киеве, Святослав Ярославич с семьей — в «Изборнике Святослава» и др.

Рис 1. Изображение великого князя Московского Василия I Дмитриевича и его супруги Софьи Витовтовны на Большом саккосе митрополита Фотия (нач. XV в.)

Традиция аналогичных изображений с заложенной в них глубокой идеей государственности утверждается и в Северо-Восточной Руси: это изображение Великого князя Василия I Дмитриевича с супругой Софьей Витовтовной на Большом саккосе митрополита Фотия (начало XV в.) «по соседству» с византийским императором и его супругой, изображение Великого князя Ивана III Васильевича с семьей на шитой пелене 1498 г., на иконе «Богоматерь Боголюбская» начала XVI в. и т. д.

Рис. 2. Сербский царь Душан и царица Елена. Фреска XIV в.

Прерывистый характер русской истории, а также малочисленность дошедших до нас художественных памятников не дают возможности нарисовать полную картину развития и ис-

пользования носителями власти в Русском государстве атрибутов этой власти. Тем не менее сравнительный анализ комплекса вещественных и письменных источников, параллелизм истолкования памятников материальной культуры Руси и соседних стран позволяют выделить основные вехи этого процесса в соответствии с государственными теориями власти. Среди них — идея преемственности власти московских великих князей — через владимирских — от киевских и, как результат, исключительность патронирования московских князей теми святыми, которые покровительствовали князьям-воинам Древнерусского государства, чем, в частности, можно объяснить пристрастие московских князей к Георгию-Змееборцу (здесь, правда, надо учитывать и политическую ситуацию); идея преемственности великодержавной власти от византийских императоров⁴⁶, в результате с начала XIV в. легенда об императорских регалиях использовалась в Северо-Восточной Руси, а «дары» принимали соответствующую форму регалий, передаваясь по наследству потомками Ивана Калиты⁴⁷; теория знатного происхождения русских государей от императора Августа, которая начала складываться в Московском государстве в конце XV в. и «породила» иную государственную символику и эмблемы (как известно, Иван III Васильевич хотел «во всем равняться — в титулах и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому»). Последующие государи продолжали изменять властную атрибутику, приближая ее к общеевропейской. Уже Иван Грозный, венчавшийся на царство «по византийскому образцу», осознавал реальность бытия и в споре со шведским королем о титуле гневно восклицал: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»⁴⁸. Действительно, он создал ряд государственных печатей по образцу европейских. Но это предмет дальнейшего разговора.

Примечания

Опубл.: Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 299—310.

¹ Российская государственность: идеи, люди, символы. Учебное пособие, подготовленное Кафедрой истории российской государственности Российской академии государственной службы

при Президенте Российской Федерации (в печати). Здесь государственность определяется как исторически сложившаяся система представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, о традициях государственного управления.

² См. об этом: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 485—486. Сам он посвятил специальный очерк древним символам: Символизм в древнем русском праве // Указ. соч. Прил. I.

³ *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. Т. 1. С. 339; *Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 190; *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...» М., 2001. С. 135.

⁴ *Schramm P. E.* Kaiser, Könige und Päpste. Stuttgart, 1971. Bd. 4. H. 2. S. 603.

⁵ *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978.

⁶ *Piech Z.* Strój, insygnia i atrybuty książąt piastowskich do końca XIV w. (cz. I—II) // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1990. № 1—2, 3—4; *Марјановић-Душанић С.* Владарске инсигније и државна симболика у Србији од XIII до XV века. Београд, 1994.

⁷ См. об этом: *Березкин Ю. Е.* Двуглавый ягуар и жезлы начальников // Вестник Древней истории. 1983. № 1. С. 163 и след. Здесь же отсылки к литературе.

⁸ Памятники литературы Древней Руси (далее — Памятники). XI — начало XII века. М., 1978. С. 74.

⁹ Там же. С. 156.

¹⁰ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. Л. 61 об.

¹¹ *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983. С. 161, 174, 180.

¹² *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I. № 4—5.

¹³ *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV в. М., 1998. Т. III. № 10а, 12а, 13а, б.

¹⁴ *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. М., 2001. С. 156.

¹⁵ *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Указ. соч. С. 18. См. там же: печать с изображением Ярослава Мудрого (№ 2а).

¹⁶ *Кондаков Н. П.* Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. Т. I. С. 70.

¹⁷ *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Указ. соч. № 26. С. 19.

¹⁸ Там же. № 10а, 96, 12а, 13а, 136.

- ¹⁹ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.: Сб. документов / Подг. к печати Г. Е. Кочиным. Л., 1936. С. 43.
- ²⁰ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1962. Т. I. С. 436.
- ²¹ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 34.
- ²² ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. С. 200.
- ²³ Памятники. XII век. М., 1980. С. 330.
- ²⁴ *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964. С. 34—35.
- ²⁵ Памятники. XII век. С. 376.
- ²⁶ Памятники. XIII век. М., 1981. С. 288.
- ²⁷ *Дуйчев И.* Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1962. С. 63—64. Л. 178, 178 (1).
- ²⁸ Памятники. XII век. С. 374.
- ²⁹ *Соколова И. М.* Мономахов трон. М., 2001. Илл. 11, 13.
- ³⁰ Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 9.
- ³¹ *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 58.
- ³² *Engel A., Serrure R.* Traité de Numismatique du Moyen Age. Paris, 1891. Т. 1. Р. XL.
- ³³ Там же. Р. 164, 183.
- ³⁴ *Мушмов Н.* Монетите и печатите на българските царе. София, 1924. С. 97—98, 103—105.
- ³⁵ *Дончева-Петкова Л.* Знаци върху археологически паметници от средновековна България VII—X век. София, 1980.
- ³⁶ *Львов А. С.* Лексика «Повести Временных лет». М., 1975. С. 200—207. См. об этом также: *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 269.
- ³⁷ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 366.
- ³⁸ *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 91—92.
- ³⁹ См. очень аргументированную, содержащую обширную библиографию вопроса, статью: *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. В. 10.
- ⁴⁰ *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893 (Переизд.: М., 1958). Т. 1. С. 1171.
- ⁴¹ Например: *Флерова В. Е.* Граффити Хазарии. М., 1997; *Дончева-Петкова Л.* Указ. соч.

⁴² Молчанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 83.

⁴³ Engel A., Serrure R. Op. cit. P. 892.

⁴⁴ Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 56.

⁴⁵ Грабар Андре. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 25.

⁴⁶ См. об этом: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. С. 16—19.

⁴⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 8, 16, 36, 57, 59, 61, 197.

⁴⁸ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 213, 238.